

В. А. ТОМСИНОВ

ПРЕРОГАТИВЫ
КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ
В АНГЛИИ
В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ
XVII ВЕКА
И ПЕТИЦИЯ О ПРАВЕ
1628 ГОДА

**1. Понятие королевской прерогативы
и ее виды**

В «Комментариях на Литлтона» правовед Эдуард Кук давал следующее определение термину «прерогатива»: «*Prærogativa* происходит от слов *præ*, т.е. до-, и *rogare*, то есть спрашивать или требовать заблаговременно, из которых получается *prærogativa*, обозначающая наивысший орган, потому что хотя акт прошел обе палаты, лордов и общин, в парламенте, однако до того, как он станет законом, на него должно быть испрошено, или истребовано, или достигнуто королевское согласие, и в этом заключается собственный смысл данного термина. Но юридически он распространяется на все правомочия, преимущества и привилегии, которые закон дает короне... Брэктон (кн. I) в одном месте называет это вольностями (*libertatem*), в другом — королевскими привилегиями (*privilegium regis*); Бриттон (следуя W. I (Первому Вестминстерскому статуту. — В.Т.) — правом короля (*droit le roy, jus*

regium)¹ и правом королевской короны (*jus regium coronæ*) и т. д.»².

Подобным же образом определял прерогативу и Уильям Блэкстоун. «Под словом прерогатива, — писал он в своих «Комментариях к законам Англии», — мы обыкновенно понимаем то особое преимущество, которое король имеет относительно и сверх всех других лиц и которое вытекает из обычного порядка *common law* в соответствии с правом королевского достоинства. Оно обозначает в своей этимологии (от *prae* и *rogo*) нечто истребуемое или испрашиваемое до, или в предпочтение ко всем другим. И отсюда следует, что она должна быть по своей природе исключительной и эксцентричной; и может применяться только к тем правам и способностям, которыми король пользуется один в противоположность к другим, но не к тем, которыми он пользуется совместно с какими-либо своими подданными: так как если бы какая-нибудь прерогатива короны могла однажды быть осуществляема совместно с подданным, она не являлась бы более прерогативой»³.

Уильям Стаббс отмечал в «Конституционной истории Англии», что «королевская прерогатива не была в своем происхождении вымыслом теоретиков. Она выросла из определенных условий национальной жизни, из которых какие-то существовали до нормандского завоевания, другие были результатом этой великой перемены, третьи явились следствием особенного хода правлений Генриха II и его наследников»⁴.

Из приведенных определений королевской прерогативы видно, что английские правоведы называли этим термином не любые преимущества или привилегии королевской власти, но лишь та-

¹ Праву короля специально посвящена глава XIX книги I трактата «Бриттон», которая соответственно называется «О праве короля» («*De Dreit le Roi*» — в оригинальном тексте, написанном на старофранцузском языке, и «*Of the king's rights*» — в переводе на английский язык). См.: Britton. The French text carefully revised, with an English translation, introduction and notes, by Francis Morgan Nichols. Oxford, 1865. Vol. 1. P. 69—74.

² *Coke E.* The First Part of the Institutes of the Laws of England; or, A Commentary upon Littleton. The thirteenth edition. London, M. DCC. LXXV (1775). P. 90b.

³ *Blackstone W.* Commentaries on the Laws of England. Book the first. Oxford, M. DCC. LXV (1765). P. 232.

⁴ *Stubbs W.* The Constitutional History of England in its origin and development. Oxford, M DCCC XCVI (1896). Vol. 2. P. 542.

кие, которые имели правовое основание. Характер этого основания во многом определял вид прерогативы. Многие полномочия короля базировались на римском праве, которое именовалось правом гражданским (*civil law*) или правом народов (*law of nations*). С совокупность таких полномочий именовалась **абсолютной** или **экстраординарной прерогативой**. Целый ряд королевских полномочий имел своим основанием английское *common law* или статуты Английского королевства. Эти полномочия представляли собой **ординарную прерогативу**. Некоторые полномочия королевской власти проистекали из Священного писания и составляли **прерогативу по Божественному праву** (*jus divinum*). Четвертая группа привилегий английского короля основывалась на феодальном праве в узком смысле — *jus feodale*. Ее можно назвать **феодальной прерогативой**.

Указанные прерогативы определяли четыре различных грани английской монархии. При осуществлении *абсолютной прерогативы* король действовал как **суверенный государь (Sovereign Lord)** или **император (Emperor)** — то есть как глава государства, независимый от каких-либо иностранных государей и от власти римского папы. Осуществляя *ординарную прерогативу*, король выступал в качестве **верховного правителя (Supreme Governor)**, то есть самого высокого должностного лица в системе управления Англией. В отличие от абсолютной прерогативы, наделявшей монарха правом действовать исключительно по своему усмотрению, ординарная прерогатива предполагала обязанность короля согласовывать свои действия с парламентом. В юридическом смысле король и парламент выступали в этом случае как единый орган государственной власти — король-в-парламенте (*king-in-parliament*). Это соединение королевской власти с парламентской было не просто теоретической концепцией. Без такого соединения невозможно было обойтись в конкретных условиях английского общества. Существование сильного, самостоятельного местного самоуправления, с одной стороны, и отсутствие в распоряжении королевской власти разветвленного аппарата государственного управления и постоянной армии, с другой стороны, делало сотрудничество короля и парламента при принятии законов необходимостью. Раздробленное на уровне местного самоуправления, английское общество объединялось на вершине государственной власти — в союзе короля и парламента.

Прерогатива по божественному праву принадлежала королю как **наместнику Бога** на земле (**God's Lieutenants upon earth**). В отличие от абсолютной (экстраординарной) и ординарной прерогатив, состоявших из конкретных полномочий короля и соответственно определявших конкретные сферы практического применения королевской власти, данная прерогатива имела весьма абстрактное содержание. Она выражалась в совокупности различных идеологических концепций, закреплявших высокий статус короля в обществе. Яков I в своей речи, произнесенной в парламенте 21/31 марта 1609/1610 года, особо выделил среди этих концепций: 1) концепцию божественной власти (*divine power*), связывающую королевскую власть с властью Бога¹; 2) патриархальную концепцию, уподобляющую власть короля власти патриарха — главы семьи²; 3) концепцию, сопоставляющую короля с головой в человеческом теле³.

Прерогатива, основанная на божественном праве, не давала королю возможности действовать произвольно. Напротив, в самом существе Божественной прерогативы были заложены ограни-

¹ По словам Якова I, «короли справедливо называются Богами, так как они осуществляют образ или подобие Божественной власти на земле: потому что если рассмотреть характерные признаки Бога, то будет видно, как они сходятся в личности короля. Бог имеет власть создавать или разрушать, совершать или не совершать по своей воле, даровать жизнь или насыпать смерть, судить всех и никому не быть ни подотчетным, ни подсудным: возвышать низкое и делать высокое низким по своей воле, и Богу обязаны как души, так и тела. И подобной властью обладают короли: они создают и уничтожают своих подданных (*they make and unmake their subjects*): они имеют власть возвышать и свергать; над жизнью и смертью: судить всех своих подданных и во всех случаях, и при этом не подотчетны никому, разве только Богу. Они обладают властью возвышать низкое и низводить высокое, и могут делать со своими подданными то, что делают люди с пешками и фигурами при игре в шахматы» (*James I. A Speech to the Lords and Commons of the Parliament at White-hall, on Wednesday the XXI. Of March. Anno 1609 [1610] // The Political Works of James I. P. 307*).

² Яков I говорил об этом буквально следующее: «A King is truly *Parens patriae*, the political father of his people (Король есть подлинный Отец отечества, политический отец своего народа)» (*ibidem*). Почти то же самое утверждал в рассматриваемое время в своей книге «В защиту Права Королей» английский правовед Э. Форсетт: «The Prince is *Pater Patria*, the Father of the Countrey (Монарх есть Отец Отечества, отец Страны)» (*Forsett E. A Defence of the Right of Kings. London, 1624. P. 23*).

³ «Kings are compared to the head of this microcosm of the body of man (Короли сравнимы с главой микрокосма человеческого тела)», — заявлял Яков I (*ibidem*).

чения произвола королевской власти. 30 ноября 1601 года королева Елизавета говорила парламентариям: «И так как Я есть та Персона, которая все еще пребывает под властью Бога, то поэтому, заявляю вам торжественно, мне доверено Всемогущей Властью Бога быть его Инструментом для предохранения вас от зависти, опасности, бесчестия, позора, тирании и насилия... Я знаю, Титул Короля — Славный Титул; но уверяю вас, что сияющая слава Королевской Власти не слишком ослепила глаза нашего разума; мы тем не менее знаем и помним, что мы также подвержены Отчету за наши Действия перед великим Судией»¹. Преемник Елизаветы на королевском престоле Яков I тоже вполне сознавал, что божественный характер королевской власти означает ограничение действий короля определенными рамками. Раскрывая парламентариям свое понимание королевской власти, он подчеркивал, что «вся эта власть предписана Богом *ad aedificationem, non ad destructionem* (для созидания, не для разрушения). Потому что, хотя Бог имеет как власть разрушения, так и созидания или защиты, не будет согласно с разумом Бога применять свою власть в разрушении природы»². Из этого Яков I делал вывод о том, что сумасшедшим является король, который истребляет своих подданных или причиняет им какое-либо другое зло.

О божественном происхождении королевской власти, о божественной монархии, о короле как заместителе Бога на земле часто говорилось на заседаниях английского парламента на протяжении XVI и первой половины XVII века. Но за этими понятиями скрывалась не мысль о том, что король может управлять произвольно, никакими рамками себя не ограничивая, а скорее напоминание ему о его королевских обязанностях. Бог представлялся при этом не в виде некоего высшего авторитета, разрешающего королю творить все, что угодно его величеству и соответственно оправдывающего любые его действия, но в качестве всемогущего создателя и

¹ A Compleat Journal of the Notes, Speeches and Debates, both of the House of Lords and House of Commons throughout the whole Reign of Queen Elizabeth, of Glorious Memory. Collected by that Eminent Member of Parliament Sir Simond Dewes, Baronet. Published by Paul Bowes, of the Middle-Temple Esq. London, 1693. P. 659–660.

² *James I.* A Speech to the Lords and Commons of the Parliament at White-hall, on Wednesday the XXI. Of March. Anno 1609 [1610] // The Political Works of James I. P. 308.

господина вселенной, в которого королю следует верить и которому он должен служить¹.

Прерогатива по jus feodale закрепляла за королем Англии статус **сюзерена** и давала ему власть феодального сеньора над теми английскими подданными, которые могли считаться его вассалами. Содержание данной прерогативы состояло, в частности, из правомочий короля требовать несения военной службы, а также из различного рода денежных выплат от тех, кто считался имеющим земельное держание непосредственно от Его Величества (the tenures of capite) или держание на правах рыцарской службы.

Значительная часть преимуществ и привилегий, составлявших феодальную королевскую прерогативу, существовала в форме обычая, но важнейшие из них оформлялись законодательными актами и судебными решениями. Так, характер обычая имело признававшееся английским обществом вплоть до революции 1640–1660 годов право короля принуждать лиц, достигших совершеннолетия и владевших земельным участком, который приносил доход в размере не менее 40 фунтов стерлингов в год, принять рыцарское звание или платить штраф за отказ от него². Обычаем закреплялась и такая привилегия короля, как «прерогативная опека (prerogative wardship)» над землями, которые держались от него на условии рыцарской службы. Если этот держатель умирал, то король мог взять под свою опеку все земли, державшиеся им на указанном условии, в том числе и те, которые он держал не от короля, а от обыкновенных сеньоров³. Великая Хартия Вольностей 1215 года

¹ Спикер Палаты лордов Р. Онслоу (*R. Onslow*) говорил в своей парламентской речи 2 января 1566 г.: «Бог назначил для нас здесь не язычника, не безверующего Монарха, каким он мог бы быть, но верующего и одного из своих детей, чтобы управлять нами, его детьми: в этом управлении Монарх служит Богу двумя способами — как Человек и как Король. В качестве Человека он должен жить и служить Богу как одно из добрых его Творений; а в качестве Короля, и таким образом особого Творения Бога, он должен создавать Законы, посредством которых можно верно служить Богу» (*A Compleat Journal of the Notes, Speeches and Debates, both of the House of Lords and House of Commons throughout the whole Reign of Queen Elizabeth...* P. 114).

² *Coke E.* The First Part of the Institutes of the Laws of England; or, A Commentary upon Littleton. P. 69b.

³ Э. Кук писал о прерогативной опеке в «Комментариях на Литлттона»: «Если человек держал землю от короля посредством рыцарской службы *in capite*, и другие земли от других сеньоров, и умер, оставив несовершеннолетнего наследника, король будет иметь опеку над всеми землями на основании своей прерогативы:

провозглашала (ст. 37) обязательство короля не распространять «прерогативной опеки» на земли, которые держались от него на условии выплаты ежегодной ренты (*per feodirfirmam*), или отработки (*per sokagium*), или по обычаям держания в городе-бурге (*per burgagium*), но при этом никоим образом не ограничивала такого рода опеки в отношении земель, державшихся на условии рыцарской (военной) службы¹.

Среди королевских привилегий, оформлявшихся законодательными актами, можно выделить, например, право короля на *prima seisin*, которое возникало в случае смерти держателя какого-либо участка земли непосредственно от короля. Король в этой ситуации через посредство своего должностного лица вступал во владение *всеми* земельными угодьями умершего держателя, обеспечивая себе тем самым контроль за наследованием землевладений². Королевское владение землей на праве *prima seisin* продолжалось до тех пор, пока наследник умершего держателя не признавал посредством специального обряда (*homage*) своей вассальной зависимости от короля и не уплачивал в его пользу специальной пошлины, называвшейся термином «*relief*» (*relevium*, *relevatio*, *relevamen*). Если наследник был совершеннолетним, он мог совершить омаж немедленно после смерти прежнего держателя. Однако в ситуации, когда наследник оказывался малолетним, король сохранял наследуемую землю в своих руках до момента

и это предоставлено королю общим правом (*common law*)» (*Coke E. The First Part of the Institutes of the Laws of England; or, A Commentary upon Littleton. P. 77a*).

¹ Великая Хартия Вольностей 1215 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Древность и Средние века / Сост. В.А. Томсинов. М., 2004. С. 335.

² «Это была исключительная прерогатива Короны (*exclusive prerogative of the Crown*), в которой отказывалось обыкновенным сеньорам, владевшим землей, — отмечается в комментарии к *Magna Carta*, составленном У. Ш. МакКечни. — Когда держатель от короля умирал, королевское должностное лицо имело правомочие вступить в непосредственное владение и отстранить от него наследника, который не мог прикоснуться к отцовским землям без разрешения от Короны, он вынужден был сначала доказать свой титул посредством специального расследования (*by inquest*), дать гарантию выплаты любой суммы рельефа или других долгов, совершить омаж. Нетрудно увидеть, какую сильную стратегическую позицию все это обеспечивало королю в любых спорах с наследником умершего вассала» (*Magna Carta. A Commentary on the Great Charter of King John. With an historical introduction by William Sharp McKechnie. Glasgow, 1914. P. 64*).

достижения им совершеннолетия¹. В обоих случаях при вступлении в наследство королю уплачивалась, помимо рельефа (*relief*), определенная денежная сумма. Английский правовед Генри Спелман (*Henry Spelman*, 1564—1641) писал об этой королевской привилегии: «Если держатель непосредственно от короля (*king's tenant in capite*) или держатель на условии рыцарской службы (*by knight-service*) умрет, то король будет владеть его землей до того, как наследник совершит омаж. Если последний является совершеннолетним, то он может сделать это в текущее время, но если он не достиг совершеннолетия, земля должна будет до этого момента оставаться в королевских руках. И когда один или другой обращается с просьбой о том, чтобы получить ее из рук короля, достижение им этой цели именуется вводом во владение (*livery*), а доход, полученный тем временем королем, называется его *primer seisin*»².

Эдуард Кук отмечал в «Комментариях на Литлтона», что плата королю за *primer seisin* со стороны наследника земли, достигшего в момент смерти прежнего ее держателя совершеннолетия, была равна годовому доходу с нее, а несовершеннолетнего — полугодовому доходу³. Отсюда очевидно, что право на *prima seisin* было в средневековой Англии весьма значимым элементом королевской прерогативы. Однако утвердилось оно в английском праве не ранее второй половины 60-х годов XIII века. Из содержания Великой Хартии Вольностей 1215 года можно сделать вывод, что

¹ У наследника держания на условиях рыцарской службы совершеннолетие наступало по исполнению ему 21 года, при держании на сокаже — 15 лет, у наследницы — опека могла закончиться по достижении ею 14 лет, поскольку в этом возрасте она могла иметь мужа, способного нести рыцарскую службу. Но если наследница не выходила замуж, то королевская опека над переходящими к ней землями продолжалась до того, как ей исполнялось 16 лет. См.: *Magna Carta. A Commentary on the Great Charter of King John*. P. 61–62.

² *Spelman H. The Original, Growth, Propagation and Condition of Feuds and Tenures by Knight-Servece in England*. London, 1641. P. 30. Правоведы Г. Спелман и Э. Кук называли термином «*primer seisin (prima seisin)*» денежную сумму, уплачиваемую наследником умершего держателя от короля при вступлении во владение землей. В действительности же *prima seisin* — это в первую очередь специальная процедура, посредством которой король обеспечивал свои права при наследовании земли в случае смерти лица, державшего от него землю.

³ *Coke E. The First Part of the Institutes of the Laws of England; or, A Commentary upon Littleton*. P. 77a.

в начале указанного столетия английское общество не признавало за королем права на *prima seisin*. По всей видимости, и позднее попытки осуществления его королем вызывали отрицательное отношение со стороны держателей земельных участков. Именно поэтому данная королевская привилегия смогла утвердиться в Англии только посредством закрепления ее в законодательстве. Она была предусмотрена Мальбриджским Статутом (*Statutum de Marlebridge*), принятым на 52-м году правления Генриха III (1267 г.)¹. В статье 16 этого законодательного акта говорилось: «Что же касается наследников, которые держат землю непосредственно от господина короля, то должно быть соблюдаемо, чтобы господин

¹ Мальбридж (*Marlebrigijs, Marlebridge*) — селение, располагавшееся в северной части Англии. Итальянский историк Полидор Вергилий (*Polydorus Vergilius, 1470–1555*) упоминал о нем в своей хронике «*Anglicae historiae*» (liber XII. 11) как о месте, где располагался замок Мальбридж. При этом он отмечал, что «Мальбридж — это селение в графстве Вильсерия (на англ.: *Wiltshire. — B. T.*), которое сегодня называется Мальмсбери (*est enim Marlebrigijs pagus in Wilceria comitatu, quam hodie vocant Malmisburiam*). В 1189 г. король Иоанн I совершал в этом месте церемонию вступления в брак с графиней Изабеллой, а в 1199 г. короновался на английский престол. Брачная церемония Генриха III также проходила в этом месте. В 1267 г. он собрал здесь вместе со своим сыном Эдуардом представителей различных сословий английского общества, как высших, так и низших, и издал с их согласия целую серию постановлений (*provisiones*), ординансов (*ordinationes*) и статутов (*statuta*) с целью, как об этом было заявлено в преамбуле к ним, «улучшения управления Англией» и «совершенствования процесса отправления королевского правосудия». Основу принятых законов составили Уэстминстерские провизии 1259 г. с теми изменениями и дополнениями, которые были сделаны в них в 1263 и 1264 гг. Созданный в результате этого обширный (из 30 глав) законодательный свод получил название *Statutum de Marlebridge*. Английские правоведы начала XVII в. ставили его в ряд самых авторитетных законодательных актов Англии. Правда, в связи с тем, что городок, в котором он был принят, сменил к тому времени свое название на Мальбара (*Marleborough*), данный статут чаще стали именовать Мальбарским статутом (*Statute of Marlborough*). Именно под этим наименованием он будет включаться во все последующие сборники статутов Английского королевства. См. его текст в издании: *The Statutes of the Realm. Printed by Command of His Majesty King George the Third... From Original Records and Authentic Manuscripts. London, 1810. Vol. 1. P. 20–25*. А также в издании: *The Statutes: Revised edition. Vol. 1. London, 1870. P. 6–15* (здесь он напечатан на двух языках — латинском и английском — и под названием: «*Statutum de Marleberge (The Statute of Marlborough)*»). Комментарий Э. Кука к Мальбриджскому (Мальбарскому) статуту был опубликован во второй части его «Институций»: *Coke E. The Second Part of the Institutes of the Laws of England. Containing the exposition of many ancient and other statutes. London, M. DCC. XCVII (1797). P. 101–154*.

король первым имел на нее сезину, как это было по обыкновению прежде»¹.

Позднее право английского короля на *prima seisin* было записано в документе под названием «О королевской прерогативе (*De Prerogativa Regis*)», специально посвященном изложению королевских правомочий, привилегий и преимуществ. Он был создан предположительно в первое десятилетие правления Эдуарда I (1272–1307) и представлял собой либо инструкцию, в которой король сообщал своим вассалам или судьям о правах, вытекавших из его статуса верховного сеньора и монарха, либо трактат какого-либо частного лица². В период правления Эдуарда III (1327–1377) этот документ стал называться статутом³, но такой взгляд на него не сделался преобладающим среди английских юристов ни в XIV, ни в XV веке⁴. Тем не менее, когда в Англии начали издавать печатные сборники старинных статутов⁵, среди них, как правило, помещали в качестве такого рода юридических актов и «*De Prerogativa Regis*». А поскольку для статутов обязательным признаком являлось наличие даты принятия, то и указанный документ, ранее обозначавшийся как не имеющий какой-либо даты, сочли необходимым приписать к определенному времени. Таким был назначен 17-й год правления Эдуарда II или 1324 год⁶.

¹ «*De hæredibus autem, qui de domino rege tenent in capite, si observandum est, ut dominus rex primam inde habeat seisinam, sicut prius inde habere consuevit*» (*Statutum de Marlebridge* // Coke E. *The Second Part of the Institutes of the Laws of England. Containing the exposition of many ancient and other statutes*. P. 134).

² *Maitland F. M. The «Prerogativa Regis»* // *English Historical Review*. 1891. Vol. 6. № 22. P. 372.

³ В частности, документ «*De Prerogativa Regis*» назван статутом в записи судебных дел (*Year book*) за 43 год правления короля Эдуарда III (1370 г.). См.: *McGlynn M. The Royal Prerogative and the Learning of the Inns of Court*. Cambridge, 2003. P. 7.

⁴ «О нем нельзя говорить как о статуте», — писал об этом документе, например, правовед Томас Литлтон.

⁵ Первый печатный сборник статутов Английского королевства был изготовлен в 1481 г. Джоном Леттау (*John Lettau*) и Уильямом де Маклинна (*William Machlinia*). Он вышел в свет в сокращенном виде, что отражалось и в его названии «*Vieux Abridgement des Statutes*». Более полные сборники английских актов стали печататься в Англии с 1534 г.

⁶ Впервые эта дата была приписана представленному в качестве статута документу «*De Prerogativa Regis*» в сборнике английских статутов, изданном в 1529 г. (*Magna Carta in F[rench] wherunto is added more statut[es] than euer was imprinted in any one boke before this tyme : with an alminacke & a calender to know*

Права и привилегии короля, изложенные в так называемом «Статуте о королевской прерогативе», сохраняли юридическую силу вплоть до революции 1640–1660 годов. В 1548 году английский юрист Уильям Стонфорд (*William Staunford* или *Stamford*, 1509–1558)¹ создал на основе этого документа, а также на материале книги судьи Антони Фитцгерберта (*Antony Fitzherbert*, 1470–1538)² «Великий абриджмент (*La Graunde Abridgement*)»³ трактат «Описание королевской прерогативы (*An exposition of the kinges prerogatiue*)». Данный трактат вышел в свет первым изданием в 1567 году⁴ и в последующем многократно переиздавался (в 1568, 1573, 1577, 1590, 1607 гг. и т.д.). В нем описывались не все элемен-

the mootes: necessarye for all yong studiers of the lawe. Imprynted at Lond[on] in Fletestrete by me Robert Redman dwellynge at the sygne of the George, nexte t[o] Saynt Dunstones church, M.CCCC.XXIX (1529). Folio 98).

¹ С 1554 г. Уильям Стонфорд являлся судьей Суда общих тяжб (*Common Pleas*) и Королевской Скамьи (*King's Bench*). В дневнике его современника Генри Мачина содержится следующая запись о его смерти: «Sir William Staunford knight, one of the kinges and the quenes maties justyces of the common banke, dysseased the xxvijth. August An° D'ni 1558» (*The Diary of Henry Machyn: Citizen and Merchant-Taylor of London (1550–1563)*. L., 1848. P. 172).

² С 1510 г. Антони Фитцгерберт занимал должность служащего в королевском суде, обозначавшуюся термином «*serjeant-at-law*», с 1521 г. он являлся судьей Суда общих тяжб (*Common Pleas*).

³ Термином «*abridgment*», который переводится на русский язык словом «сокращение», английские правоведы обозначали юридические произведения, содержавшие краткое изложение судебных дел. «Великий абриджмент» Антони Фитцгерберта занимает особое место в истории английской юриспруденции: это произведение было первой попыткой систематического изложения «общего права (*common law*)» Англии. Первое его издание было напечатано в трех частях в 1514–1516 гг. *Fitzherbert A. La Graunde Abridgment. Premier part* / Ed. by John Rastell. Westminster, 1514; *Fitzherbert A. La secounde part[ie] du Graund abridgement* / Ed. by Wynken de Word. Westminster, 1516; *Fitzherbert A. La Graunde Abridgment. Troisième partie* / Ed. by Wynken de Word. Westminster, 1516. На титульном листе третьей части отсутствует название, вместо него внизу листа написано, что данная книга содержит собрание всех судебных дел, записанных в годовых книгах (*years books*) до 21-го года правления Генриха VII и во времена правлений Ричарда II, Эдуарда I и II и Генриха III, а также большое количество толкований и оригинальных документов, нигде до сих не обнаруживавшихся.

⁴ *An exposition of the kinges prerogatiue collected out of the great Abridgement of Iustice Fitzherbert, and other olde writers of the lawes of Englande by the right worshopful sir William Staunford Knight, lately one of the iustices of the Queenes Maiesties court of comon pleas: whereunto is annexed the proces to the same prerogatiue appertaining*. L., 1567. Право короля на *prima seisina* описывается на с. 11b названного трактата.

ты королевской прерогативы, сформировавшиеся в предыдущие столетия, но лишь главнейшие из них — как правило, те исключительные правомочия, которые король как верховный сеньор имел относительно своих держателей (прерогативная опека, право на *prima seisin*, выдача разрешения на отчуждение земельных участков, опека над землями умалишенных и др.). Все подобные правомочия составляли королевскую прерогативу по феодальному праву (*jus feudale*). К началу XVII века она полностью изжила себя. Английское общество перестало быть феодальным. Этот переворот в социальных отношениях, произошедший постепенно, без революции, лишил королевскую прерогативу по *jus feudale* реальной основы. Земельное держание, вокруг которого данная прерогатива вращалась, потеряло свое прежнее значение. Распродажи королевских земельных угодий, широко проводившиеся в течение XVI века, создали огромный слой землевладельцев, которые фактически не являлись держателями от короля, поскольку приобрели свои земельные угодья за деньги. В дебатах, состоявшихся в Палате общин 8/18 марта 1609/1610 года, по вопросу о прерогативной опеке прямо констатировалось, что такие должностные лица, как наместники и их заместители, мировые судьи в графствах, военачальники и т. д., служат своему монарху независимо от своих держаний, и «когда необходимо поднять какие-либо войска для службы монарху, все считают себя обязанными служить в качестве подданных, и ни один человек не задает вопроса ни о том, чьим держателем он является, ни о том, как он держит свою землю. Поэтому очевидно, что этот вопрос держаний не связан с правительством, он не является ни шпорой чести, ни уздой повиновения»¹. Между тем и Яков I, и Карл I продолжали относиться к землевладельцам как к своим вассалам и навязывать им соответствующие повинности.

20 июня 1604 года группа депутатов нижней палаты английского парламента представила на рассмотрение парламентариев со-

¹ «Marshals and those that have served their Prince without respect of their tenures, and the Deputies, Lieutenants and justices of peace of every shire, they can assure us that upon occasion of musters, or when any forces have bene raised for the service of the Prince, all held themselves bound to serve as subjects, and noe man ever made question whose tennant he was, nor howe he held his land. Soe that yt is apparante that this matter of tenures is noe ligament of government, it is neither spure of honor nor bridle of obedience» (Parliamentary Debates in 1610. P. 26).

ставленную для подачи королю апологию Палаты общин, касающуюся их привилегий¹. Данный документ не получил одобрения парламента и поэтому не был подан Якову I². Но текст его интересен как выражение политических взглядов наиболее активных членов Палаты общин. В нем говорилось, помимо прочего, о том, что в парламенте подготовлена петиция к королю с предложением отменить феодальную прерогативу и ввести вместо нее ежегодную выплату с земельных держаний английских подданных в пользу его величества. «Эта прерогатива короны, которую мы желаем заменить, стала предметом лишь дохода и вовсе не какой-либо почести или королевского достоинства»³, — заявляли при этом парламентарии.

Вторично попытка ликвидации феодальной прерогативы королевской власти была предпринята в 1610 году. 26 марта указанного года на рассмотрение Палаты лордов был внесен из Палаты общин «Мемориал о большом договоре с королем относительно земельных держаний»⁴, в котором выражалось желание «превратить всю рыцарскую службу в свободный и общий сокаж», отменить опеку земельных угодий и *primer seisin*⁵. Взамен общины предлагали королю 180 000 фунтов стерлингов ежегодного налога. Лорды обсудили и одобрили инициативу Палаты общин и составили собственный «Мемориал о Большом договоре с величеством относительно земельных держаний»⁶, предложив увеличить заменяющий феодальную прерогативу налог в пользу короля до

¹ См.: *Apology of the House Commons, made to the King, touching their Privileges // The Parliamentary History of England, from the earliest period to the year 1803. Vol. 1: A. D. 1066–1625. London, 1806. Col. 1030–1042.*

² Вероятно, именно по этой причине текст указанной апологии не попал в «Журнал Палаты общин».

³ *Apology of the House Commons, made to the King, touching their Privileges. Col. 1041.*

⁴ *Memorial, concerning the Great Contract with His Majesty, touching Tenures with the Dependants, Purveyance & c. delivered by the Committees of the Commons House unto the Lords // The Parliamentary History of England, from the earliest period to the year 1803. Vol. 1: A. D. 1066–1625. London, 1806. Col. 1140–1141.*

⁵ *Ibid. Col. 1140.*

⁶ См.: *Memorial, concerning the Great Contract with His Majesty, touching Tenures with the Dependants, Conveyance & c. conceived by the direction of the Lords of the Higher House of Parliaments // The Parliamentary History of England, from the earliest period to the year 1803. Vol. 1: A. D. 1066–1625. London, 1806. Col. 1145–1146.*

200 000 фунтов стерлингов. Однако согласия короля на замену феодальных повинностей держателей на такой налог добиться парламентариям не удалось. Обсуждение вопроса о замене королевской прерогативы по феодальному праву постоянным налогом продолжалось в парламенте с перерывами до конца ноября 1610 года. После этого его деятельность была приостановлена до 9/19 февраля 1610/1611 года, а с наступлением этой даты король распустил парламент.

Абсолютная, ординарная, божественная и феодальная прерогативы королевской власти являлись важнейшими элементами юридической конструкции государственного строя Англии. Необходимость и правовую обоснованность всех этих прерогатив признавали в равной мере и сторонники короля, и парламентарии.

Естественно, что интересы английского парламента в наибольшей степени выражала ординарная прерогатива королевской власти, предполагавшая активное участие парламента в законодательном процессе и его согласие на назначение налоговых сборов.

Однако и применение королем абсолютной прерогативы само по себе вполне отвечало интересам тех общественных слоев, которые были представлены в парламенте. Многие из них были втянуты во внешнюю торговлю, от которой имели солидные доходы. Посредством своей абсолютной прерогативы, предоставлявшей Его Величеству полную свободу действий во внешней политике, а также во время войны Англии с иностранными державами, король мог более эффективно и энергично защищать позиции английских предпринимателей на внешних рынках, осваивать новые земли за пределами Европы, организовывать переселенческие колонии и т. д.

По этой причине абсолютная (экстраординарная) прерогатива, так же как и прерогатива ординарная, находила своих защитников во всех политических группировках английского общества, в том числе и среди депутатов Палаты общин. Во время сессии 1610 года парламентарии, выражавшие интересы английских торговцев, подчеркивали в своих выступлениях, что в международной торговле они пребывают «там, где common law не может судить. Торговец не имеет средств против того, кто грабит на море. Он не находится под защитой закона, но только под защитой Короля. Объявление вне закона не имеет поэтому силы для того, кто

за морями. Он находится под юрисдикцией Короля по праву наций»¹.

Именно в регулировании внешней торговли Англии видел основное назначение абсолютной прерогативы короля Джон Дэвис. «Король Англии пользуется только своей Прерогативой в отношении пошлинами торговцев, пересекающих моря»², — писал он. По словам английского правоведа, «в случаях, где сам Король или его подданные имеют отношения или торговлю с другими Народами, которые при этом не связаны Общим правом Англии (Municipal Laws of England)», должно действовать право народов³.

Абсолютная прерогатива, основанная на гражданском праве, мыслилась парламентариями Англии также в качестве эффективного инструмента борьбы с католиками, не являвшимися английскими подданными и не подпадавшими соответственно под действие *common law* и статутов Английского королевства. В 1572 году члены Палаты общин смиренно просили королеву Елизавету применить полномочия этой прерогативы против бывшей королевы Шотландии Марии Стюарт⁴.

В первые десятилетия XVII века все политические группировки английского общества вполне признавали и королевскую прерогативу, основанную на божественном праве, — так называемое божественное право (*jus divinum*) короля. Ни сам король, ни парламентарии не усматривали в этой прерогативе какого-либо основания для произвольных действий, не подчиненных каким-либо нормам права и морали. Для короля концепция божественной природы его власти была выгодна прежде всего тем, что взы-

¹ «Wee are where the common lawe cannot judge. The merchant hathe no remedy against hym that spoyles at sea. He is not under the protection of the lawe, thoe under the protection of the King. An outlawry therefore voyd of one beyond sea. He is under the jurisdiction of the King by the lawe of nations» (Parliamentary Debates in 1610. Edited, from the notes of a member of the House of Commons / By Samuel Rawson Gardiner. London, 1862. P. 87).

² *Davies J.* The Question concerning Impositions, Tonnage, Poundage, Prizage, Customs, &. London, 1656. P. 148.

³ *Ibid.* P. 4–5.

⁴ См.: An humble Petition to her Majesty and the Reasons gathered out of the Civil Law by Certain appointed by Authority in Parliament, to prove that it standeth not only with Justice but also with the Queens Majesties Honour and Safety to proceed criminally against the pretended Scottish Queen // A Compleat Journal of the Notes, Speeches and Debates, both of the Hoyses of Lords and House of Commons throughout the whole Reign of Queen Elizabeth... P. 215–219.

вала к безусловному повиновению ему всех его подданных. С другой стороны, данная концепция идеологически обосновывала независимость короля от власти римского папы¹. В этом последнем своем значении божественная прерогатива королевской власти являлась полезной и с точки зрения английского парламента.

Вместе с тем, божественное право короля признавалось парламентариями еще и потому, что из него вытекали не только права, но и обязанности королевской власти по отношению к подданным. Согласно божественному праву, король не являлся верховным правителем — выше него стоял Бог, предписаниям которого, содержащимся в Священном Писании, король должен был подчиняться. Подданные короля выступали одновременно и в качестве подданных Бога. И если их король начинал править вопреки божественным предписаниям, они получали право не повиноваться ему. Член Палаты общин П. Вентворт (*P. Wentworth*) говорил в 1575 году в своей парламентской речи, что король должен находиться под властью закона, «так как он является Наместником Бога на земле, то есть Его Наместником для того, чтобы исполнять и проводить Его Волю, которая есть Закон или Правосудие»².

Уже отсюда видно, что парламентарии были вполне в состоянии приспособить доктрину божественного права (*jure divinum*) к своим интересам. О том, что и королевская прерогатива, основанная на *jus feodale*, также признавалась парламентариями, свидетельствует само предложение королю с их стороны заменить ее правом короля на постоянный ежегодный сбор определенной денежной суммы с землевладельцев. Парламентарии желали купить эту прерогативу, причем за весьма высокую цену.

Противоборствующие группировки английского общества сходились между собой не только в признании за королем всех его

¹ К этой независимости стремились и Генрих VIII, и королева Елизавета, и Яков I, и Карл I. В 1610 г. Яков I утвердил новый текст присяги на верность королю, которую должны были давать все его подданные, достигшие восемнадцатилетнего возраста. В соответствии с ним подданные должны были присягать на верность своему королю даже в том случае, если глава римско-католической церкви отлучил его от престола. См. прокламацию короля Якова I от 2 июня 1610 г. в издании: *Stuart Royal Proclamations. Vol. 1: Royal Proclamations of King James I, 1603–1625. P. 245–250.*

² *A Compleat Journal of the Notes, Speeches and Debates, both of the Hoysse of Lords and House of Commons throughout the whole Reign of Queen Elizabeth...* P. 238.

прерогатив, но и в трактовке характера этих прерогатив. Политическая борьба, происходившая в Англии в первые десятилетия XVII века, не была борьбой противников абсолютизма с его сторонниками. **На самом деле абсолютистами в английском обществе того времени являлись все те, кто был привержен правопорядку и соответственно признавал исторически сложившуюся здесь юридическую конструкцию государственного строя**, поскольку все они были вполне согласны между собой в том, что король Англии должен иметь помимо ординарной прерогативы прерогативу экстраординарную, выражающую его абсолютную власть.

Содержание документов, отразивших парламентские дебаты, показывает, что главным предметом споров между королевской и парламентской группировками был не сам факт наличия у короля абсолютной прерогативы, и даже не рамки ее действия. Спор шел, например, о характере того или финансового сбора, а именно: входит ли он в сферу абсолютной власти короля или находится в компетенции парламента. Король отстаивал свое правомочие назначать таможенные пошлины без согласия парламента, руководствуясь тем, что они относятся к сфере внешней торговли, а значит, к его исключительному ведению. Парламентарии доказывали, что эти пошлины затрагивают имущественное положение английских подданных и, следовательно, должны назначаться королем на основании не абсолютной, а ординарной прерогативы, то есть по common law, а значит — с согласия парламента¹. Очевидно, что почву для спора создавала в данном случае сложная, двойственная природа такого явления, как таможенная пошлина.

¹ Член Палаты общин У. Хейквилл, стремясь доказать, что таможенные пошлины должны устанавливаться королем на основании common law, приводил весьма любопытную аргументацию. Он говорил, что правомочие короля облагать товары таможенными пошлинами относится к сфере действия common law и в доказательство приводил само их название (на латыни таможенные пошлины обозначаются термином «consuetude», а на английском — «customs», то есть в обоих случаях как «обычай»). «Обычай по самой своей сущности, — заявлял этот парламентарий, — должен устанавливаться только с разрешения common law. Таким образом, вы видите, что само наименование consuetude (custom) доказывает, что таможенные пошлины (customs) должны подлежать регулированию посредством common law» (Parliamentary Debates in 1610. P. 79–80).

2. Петиция о праве 1628 года

Анализ наиболее острых конфликтов между королем и парламентариями, происходивших в Англии на протяжении первых десятилетий XVII века, обнаруживает странную на первый взгляд закономерность — данные конфликты возникали, как правило, по поводу не абсолютной, а ординарной прерогативы королевской власти.

В этом смысле особо показателен конфликт между королем и Палатой общин, разгоревшийся весной 1628 года. Результатом его стало принятие парламентом Петиции о праве, вошедшей впоследствии в число основополагающих конституционных документов Англии.

Поводом для возникновения данного конфликта стал случай с пятью рыцарями¹, которые отказались от уплаты в государственную казну денежных сумм по принудительному займу², объявленному Тайным советом осенью 1626 года. Свой отказ они мотивировали тем, что сбор был назначен без согласия парламента. 27 октября 1627 года рыцари-отказники были заключены в тюрьму.

Подобные меры принимались ранее королевской властью и к другим лицам, отказывавшимся давать заем, но они, как правило, с покорностью принимали свое тюремное заключение или же подавали королю смиренную просьбу об освобождении с признанием своей вины. И король освобождал их. Однако вышеназванные рыцари решили добиться освобождения из-под ареста не по королевской милости, а на основании действующего права Англии.

¹ Их имена: Т. Дорнел, Дж. Корбет, В. Эрл, Дж. Хевенингхем и Э. Хампдем.

² Давид Юм пишет в своей книге по истории Англии о том, что деньги стали необходимы Карлу I для поддержки короля Дании, терпевшему поражения в войне с Габсбургами, в которую он вступил под воздействием интриг и обещаний английского монарха. Нуждаясь в деньгах, Карл обратился за помощью к Тайному совету. «После некоторых размышлений Тайный совет постановил, что поскольку крайняя срочность дела не позволяет обратиться к парламенту, то самым быстрым, удобным и разумным способом удовлетворить нужды короля будет всеобщий заем у подданных, в размерах, соответствующих обложению их по последней субсидии. Каждый должен был внести в точности ту сумму, которую он заплатил бы, если бы парламентское постановление о четырех субсидиях стало законом, при этом, однако, народу потрудились объяснить, что взыскиваемые суммы следует называть не субсидиями, но именно займами» (Юм Д. Англия под властью Дома Стюартов. Том 1. СПб., 2001. С. 148).

Каждый из них немедленно подал прошение о выдаче приказа *habeas corpus*. Такие приказы были выданы 3 ноября. Начальник тюрьмы, в которой содержались рыцари, должен был, в соответствии с данными приказами, доставить арестованных в Суд Королевской Скамьи и объяснить там причины их ареста. Будучи не в состоянии указать суду эти причины, он обратился за разъяснением в Тайный совет. Оттуда пришел ответ, что рыцари арестованы «по специальному распоряжению Его Величества (*per speciale mandatum domini regis*)». На основании этого ответа Суд Королевской Скамьи вынес 27 ноября решение об отказе рыцарям в их освобождении из тюрьмы.

В конце декабря 1627 года Карл I распорядился освободить рыцарей из тюремного заключения. Казалось бы, проблема исчерпана. Но 17/27 марта 1627/1628 года приступил к работе новый парламент. Спустя десять дней на заседании Палаты общин был поднят вопрос о законности ареста вышеупомянутых пяти рыцарей. Один из парламентариев высказал мнение о том, что этот арест является прямым нарушением Великой Хартии Вольностей. Последовала дискуссия, которая фактически превратилась в обсуждение вопроса о королевской прерогативе по *common law* и статутам Англии¹.

Случай с арестом пяти рыцарей обнажал одновременно несколько важнейших сторон указанной прерогативы, затрагивавших как имущественные, так и личные права английских подданных. Но самые острые споры вызвал вопрос о праве королевской власти арестовывать подданных без указания причин ареста, по специальному распоряжению Его Величества.

В нижней палате английского парламента возобладало мнение о том, что такого правомочия у королевской власти нет ни по *common law*, ни на основании статутов. В специальных резолюциях, принятых по этому поводу Палатой общин и представленных для подтверждения в Палату лордов, постановлялось:

«1. Что ни один свободный человек не должен быть заключен в тюрьму или иным образом ограничен в свободе по распоряжению Короля или Тайного Совета или каким-нибудь другим госу-

¹ Commons Debates 1628. Vol. 2 // Edited R.C. Johnson, M.F. Keeler, M.J. Cole and W.B. Bidwell. New Haven, 1977. P. 146–152. В этом издании опубликованы журналы Палаты общин, содержащие протоколы заседаний нижней палаты английского парламента в течение 1628 г.

дарственным органом до тех пор, пока не будет выражено определенное основание ареста, заключения в тюрьму или ограничения в свободе, по которому он должен быть, согласно закону, арестован, заключен в тюрьму или ограничен в свободе.

2. Что, если какой-либо свободный человек будет арестован или заключен в тюрьму, или иным образом ограничен в свободе по распоряжению Короля, Тайного Совета или какого-либо другого государственного органа, и не будет выражено никакого основания такого ареста, заключения в тюрьму или ограничения в свободе, по которому он должен быть, согласно закону, арестован, заключен в тюрьму или ограничен в свободе, и он обратится к *Nabeas Corpus*, предоставляемому арестованному, то в таком случае он должен быть освобожден или отпущен под залог»¹.

На конференции обеих палат парламента, состоявшейся 7 апреля 1628 года, представители Палаты общин предприняли попытку обосновать указанные резолюции, отрицающие право королевской власти арестовывать подданных без указания причин ареста, по специальному распоряжению Его Величества.

Первым выступил Дадлей Диггес (*Dudley Digges*). Главным предметом его речи были вопросы юрисдикции. Он выразил, в частности, мысль о том, что нарушения прав и свобод английских подданных, имевшие место в последнее время, являются особенно тяжкими от того, что они совершены посредством применения юридических процедур².

Вторым говорил правовед Литтлтон (*Littleton*). Представив вышеприведенные резолюции Палаты общин, он попытался доказать, что провозглашенный ими запрет на арест свободного человека или какое-либо иное ограничение его свободы, совершаемые по распоряжению короля или Тайного совета без указания причин такого ареста или ограничения, основывается на нескольких актах английского парламента. «Первым из них, — сказал Литтлтон, — является Великая Хартия Вольностей, впервые принятая в седьмой год правления короля Джона и обновленная в девятый год правления Короля Генриха Третьего и с тех пор подтверждавшаяся в Парламенте более тридцати раз»³. Литтлтон отметил в своей

¹ The Journals of the House of Lords. Beginning Anno Decimo Octavo Jacobi Regis. (1620–1628). Vol. III. P. 753–754.

² Ibid. P. 718.

³ Ibidem.

речи, что слова «Law of the Land (Право Страны)», употребляемые в статье 29 Хартии¹, «должны по необходимости пониматься в значении обязательного процесса по праву (а не вообще Права Страны)»². По его мнению, «слова этой Великой Хартии, говорящие в третьем лице, должны, тем не менее, пониматься не в смысле тяжб между стороной и стороной, по крайней мере, не только между ними одними, но именно в смысле тяжб королей с их подданными»³.

После Литтлтона держал речь правовед Джон Селден⁴. В его задачу входило представить парламентариям юридические прецеденты, касающиеся обсуждаемого вопроса. Селден исследовал документы, отражающие судебную практику Англии со времен правления короля Эдуарда III до вступления на престол Карла I, и установил, что не менее двенадцати прецедентов показывают, что лица, арестованные по распоряжению короля или его Тайного совета, освобождались судами под залог в случаях, когда не указывались причины ареста⁵. Однако вместе с тем правовед признал в своей речи, что им выявлено довольно большое количество прецедентов, свидетельствующих, что судьи нередко принимали в таких случаях прямо противоположные решения, то есть вообще не освобождали лиц, арестованных по распоряжению короля или Тайного совета без указания причин ареста. Джон Селден, правда, постарался убедить парламентариев в том, что среди прецедентов последнего рода не более, чем один, может считаться доказывающим правомерность последних решений⁶.

Четвертым выступал Эдуард Кук. Он подтвердил обоснованность аргументов, приведенных предыдущими ораторами в дока-

¹ Здесь имеется в виду тот вариант Великой Хартии Вольностей, который был утвержден в 1225 году. В первоначальном варианте этого документа, принятом в 1215 г., данная статья была 39-й.

² The Journals of the House of Lords. Vol. III. P. 718.

³ Ibid. P. 719.

⁴ В журнале заседания Палаты лордов за 9 апреля 1628 г. Дж. Селден характеризуется как «a great Antiquary and a pregnant Man (великий знаток древностей и человек богатого воображения)» (ibid. P. 717).

⁵ Дж. Селден рассмотрел в своей речи десять прецедентов: один из судебной практики периода правления Эдуарда III, два — времени правления Генриха VII, два — королевы Марии, три — королевы Елизаветы и два — Якова I (ibid. P. 723–728).

⁶ Ibid. P. 728.

зательство неправомерности содержания под стражей лиц, которые арестовываются по распоряжению короля или Тайного совета без указания причин ареста. В заключение своей речи Э. Кук, отметив, что Палата общин единодушно приняла Манифест, касающийся гарантий личной свободы подданного, призвал Палату лордов принять подобную же декларацию, которая гарантирует в последующем лордам и всем подданным пользование их «несомненными и фундаментальными Свободами»¹.

15 апреля 1628 года члены Суда Королевской Скамьи, вынесшие 27 ноября предшествовавшего года решение об отказе в освобождении пяти рыцарей из тюремного заключения, выступили с заявлением о том, что «все они согласны, что Великая Хартия Англии и шесть последующих статутов, упомянутых Общинами, до сих пор остаются в силе»² и что своим решением по делу пяти рыцарей они не нарушили этих законов, поскольку это решение является простым решением, а не решением, порождающим прецедент³. Этим своим заявлением судьи фактически признавались в том, что они не нашли в праве Англии достаточно определенных оснований для освобождения лиц, арестованных по распоряжению короля или Тайного совета и без указания причин ареста.

На конференции обеих палат парламента, состоявшейся 17 апреля, выступил генеральный атторней Р. Хит (*R. Heath*, 1575–1649), весьма авторитетный в Англии того времени правовед. Признав, что Великая Хартия Вольностей остается до сих пор в силе и распространяется скорее на короля, чем на подданных, и что шесть последующих статутов, подтвердивших ее положения, также со-

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. III. P. 731.

² Ibid. P. 739–740.

³ Дословно: «for it was but a Rule or Award of the Court, and no Judgement». Термины «rule», «award» и «judgement» переводятся на русский язык одинаково — как судебное решение. Между тем с точки зрения английского общего права их значение различно. Настоящим судебным решением, то есть актом суда, порождающим юридические последствия (перемену в правовом положении подсудимого и т.п.) и соответственно содержащим юридический прецедент, является только «judgement». Что же касается «rule» и «award», то это судебные решения, означающие на самом деле отказ от действительного решения спора. Они ничего не меняют в правовом положении обвиняемого и выносятся в тех случаях, когда судьи не находят прочного правового основания для принятия настоящего судебного решения. Если же в дальнейшем такое основание появится, суд будет вправе вновь рассмотреть дело, по которому он ранее вынес простое судебное решение (то есть «rule» или «award»).

храняют свою силу, он сказал далее, что слова Великой Хартии носят общий характер, «они в целом не удерживают Короля от ареста подданного», если он осуществлен *nisi per legale Judicium Parium Suorum, vel per Legem Terrae* (не иначе, как по законному приговору его пэров или по законам страны)¹. Что же касается последующих статутов, то они, как заявил он, лишь подтвердили положения Великой Хартии, но не дали правового основания для решения рассматриваемого вопроса². В доказательство того, что король Англии обладает правомочием арестовывать подданного без указания причины ареста, генеральный атторней Хит привел восемь прецедентов.

Прошедшая во время конференции дискуссия по прецедентам, касающимся данного случая, не привела Палату общин, с одной стороны, и Палату лордов, с другой, к единой точке зрения³. Декларация нижней палаты парламента о незаконности ареста английских подданных по распоряжению короля или Тайного совета и без указания его причин не получила поддержки в верхней палате.

Палата лордов противопоставила декларации Палаты общин свою декларацию. В первых трех пунктах этого документа лорды призывали Его Величество Карла I подтвердить юридическую силу Великой Хартии Вольностей и последующих шести статутов, создающих основу «должного процесса» в Англии и объявить, что «каждый свободный подданный этого Королевства обладает фундаментальным правом собственности на свое имущество и фундаментальной свободой своей личности»⁴. Четвертый пункт говорил о незаконности принудительных займов. В пятом пункте содержалось особо примечательное заявление: «А что касается Королевской Прерогативы Его Величества, присущей Его Суверенности и вверенной Ему Богом *ad communem totius Populi Salutem et non ad Destructionem* (для общего блага всего Народа и не для разрушения), Его Величеству следовало бы принять решение не использовать эту Прерогативу или освободить себя от использования ее во вред верных Ему людей, их права собственности на имущества и свободы их личностей; а в случае, если для защиты Королевской

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. III. P. 746.

² Ibidem.

³ Содержание этой дискуссии см: Ibid. P. 747–752.

⁴ Ibid. P. 769.

персоны Его Величества, общей безопасности Его Народа или мирного управления Его Королевством Его Величеству надобно будет, найдя справедливую причину в государственных интересах, подвергнуть тюремному заключению или задержать какую-либо человеческую персону, то Его Величеству следовало бы милостиво объявить, что Он в удобное время выразит или выразил бы причину заключения его в тюрьму или задержания, или общую, или специальную; и по выраженной таким образом причине дозволит ему немедленно предстать перед судом в соответствии с общим правосудием Королевства»¹. Палата общин отвергла эту декларацию лордов.

Все участники рассматриваемого спора по поводу королевской прерогативы — то есть сам король, члены Суда Королевской Скамьи, Палата лордов и Палата общин — сходились в признании того, что Великая Хартия Вольностей и другие статуты, подтверждающие ее положения, сохраняют свою юридическую силу. Но в чем же тогда заключались разногласия между ними? Как показывают факты, король, его судьи и лорды, с одной стороны, и члены Палаты общин, с другой, расходились в понимании юридических терминов, и прежде всего таких глобальных категорий, как «общее право (*common law*)» и «право страны (*lex terrae*)». «Вопрос состоит не в том, должны законы быть в силе или нет, но в значении их, — говорил в своем выступлении в парламентских дебатах член Палаты общин П. Болл (*P. Ball*). — Что такое *lex terrae*? Мы все согласны в том, что это, но согласны ли таким же образом лорды и судьи?»²

Все участники рассматриваемого спора были согласны в том, что королевская власть должна обладать правомочием подвергать аресту лиц, совершающих такие деяния, которые представляют угрозу государственным интересам, что у короля должны быть правомочия, вытекающие из так называемого «права государства». Однако они расходились между собой в понимании критериев, позволяющих назвать то или иное деяние угрожающим государственным интересам.

Факты свидетельствуют, что и сам король не знал этих критериев и поэтому не имел четкого представления о том, в каких

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. III. P. 769.

² Commons Debates 1628. Vol. 3. P. 270–271.

случаях он мог действовать, основываясь на «праве государства». Осенью 1627 года Карл I обратился за консультацией по данному вопросу к Джеймсу Уайтлоку, занимавшему в то время должность члена Суда Королевской Скамьи. Уайтлок ответил королю следующее: «Слова *per legem*, обнаруживающиеся в *Magna Carta*, должны пониматься не только в значении *common law*, применяемого в Вестминстерском холле, но и в значении всех других законов, которыми мы пользуемся под защитой права Его Величества и которые законно применяются судами в пределах этого Королевства. И именно этими законами охватывается *Consuetudines Regni Angliae* и особенно выдающаяся и справедливая прерогатива² Его Величества. Однако, что касается права государства (*Law of State*), мы не знаем ни того, что под ним подразумевается, ни границ его действия; оно составляет предмет, находящийся за пределами нашего знания»¹.

Таким образом, спор в английском парламенте, возникший в начале 1628 года по поводу ареста по специальному королевскому распоряжению и без указания причин пяти рыцарей, отказавшихся платить деньги в королевскую казну по принудительному займу, выявил неопределенность норм *common law* и статуты Англии, касающихся личных и имущественных прав английских подданных.

Осознав данный факт, члены обеих палат английского парламента предприняли попытки устранить указанную неопределенность. Но пошли при этом прямо противоположными путями.

Палата лордов решила подвести под королевскую прерогативу, базирующуюся на *common law* и статутах Англии, дополнительное основание в виде божественного права. Ординарная прерогатива Его Величества была объявлена в декларации лордов «вверенной ему Богом», то есть божественной прерогативой. Одновременно эта прерогатива короля называлась здесь «присущей Его Суверенности» — иначе говоря, она объявлялась вытекающей из того же источника, из которого проистекала абсолютная прерогатива.

¹ Дж. Уайтлок подразумевает под этой характеристикой ординарную прерогативу короля, поскольку именно она основана на *common law* и статутах Англии.

² Цит. по: *Powell D.X. Sir James Whitelock's extra-judicial advice to the Crown in 1627 // The Historical Journal. 1996. Vol. 39. P. 737–741.*

Члены Палаты общин отвергли предложения лордов. Они увидели в них опасную тенденцию к смешению ординарной прерогативы короля с его абсолютной и божественной прерогативами. По их мнению, если ординарная королевская прерогатива будет поставлена на фундамент божественного права (*jure divino*), она не будет связана позитивными законами, никакой человеческий закон не сможет ее отнять у короля¹. Введение же в сферу *common law* и статутного права Англии таких юридически не определенных понятий, как «суверенность» или «суверенная власть», ослабит его фундамент и разрушит все здание права².

Более приемлемым для Палаты общин оказался другой путь устранения обнаружившейся неопределенности норм общего права и статутов — принятие специального закона, в котором бы подтверждались и разъяснялись статьи Великой Хартии Вольностей и шести статутов, принятых во времена правлений Эдуарда I и Эдуарда III. Карл I обещал в начале апреля не препятствовать парламентариям на этом пути³. Он подтвердил это свое обещание и после того, как Палата общин отвергла декларацию Палаты лордов. В своем послании, направленном в нижнюю палату парламента по окончании там дебатов по этой декларации, Его Величество заявил, что он намеревается поддерживать личные свободы и имущественные права своих подданных, что он будет управлять «в соответствии с Законами и Статутами этого Королевства», что парламентариям «следует считать слова Его Величества такой же большой гарантией, какой является любой Закон и какой бы то ни было Статут», что парламентарии будут пользоваться всеми свои-

¹ Об этом говорил, например, правовед Э. Кук на одном из заседаний Палаты общин. См.: *Commons Debates 1628. Vol. 3. P. 94–96.*

² «Я знаю, — говорил Э. Кук, — что прерогатива есть часть права, но «Суверенная Власть» не является парламентским словом. По моему мнению, оно ослабляет Великую Хартию и все статуты; так как они абсолютны, без какой-либо статьи о «Суверенной Власти»; и следует нам добавить его, как мы ослабим фундамент права, и тогда здание должно будет по необходимости упасть» (*ibid.* P. 495).

³ Сообщая об этом Палате общин, государственный секретарь Джон Коук (*John Coke*) говорил: «Мы будем пользоваться нашими правами и вольностями с такими большими свободой и гарантиями... как в любой год до этого в правление лучшего из наших королей. И если вам придет мысль надлежащим образом обеспечить в этом себя посредством билля или иначе... Он (имеется в виду король. — *В.Т.*) обещает вам и уверяет вас, что предоставит вам путь для этого» (*Commons Debates 1628. Vol. 2. P. 297.*)

ми свободами в такой же точно мере, в какой пользовались их предки во времена любых самых лучших его предшественников. В заключение же своего послания король сообщил, что «для обеспечения этого Палата Общин могла бы (если она об этом думает) провести Билль или предпринять что-либо иное»¹.

В ответ на это послание Палата общин приняла 3 мая специальное обращение к королю, которое двумя днями позднее было зачитано Его Величеству спикером Дж. Финчем (*J. Finch*). В этом обращении говорилось о том, что нижняя палата парламента полностью доверяет словам и обещанию Его Величества. Однако, заявляли парламентарии королю, поскольку министрами часто совершаются незаконные действия, то нет лучшего средства «вдохновить угнетенные души ваших преданных субъектов на бодрую поддержку² Вашего Величества», чем принять закон об их правах и свободах. Палата общин напоминала королю о его обещаниях насчет этого закона и заверяла его в том, что парламентарии не имеют намерения вторгнуться в сферу его суверенитета и прерогативы и не желают искажать или реинтерпретировать действующее английское право. Все то, чего они добиваются, сводится лишь к объяснению значения *lex terrae* (права страны) в сочетании с «некоторыми умеренными положениями для приведения в действие и исполнения» правовых норм³.

В своем ответе на это обращение Палаты общин Карл I дал понять парламентариям, что он не видит необходимости в принятии закона, поясняющего действующее законодательство, но готов подтвердить Великую Хартию Вольностей и шесть статутов Эдуарда I и Эдуарда III в законодательной форме, но без каких-либо пересказов, дополнений или объяснений.

Палата общин оказалась в трудном положении. Соглашаясь на принятие закона о личных и имущественных правах и свободах английских подданных, король имел в виду, что этот закон будет лишь подтверждать статьи Великой Хартии Вольностей и других статутов. Но вместе с тем он призывал парламентариев рассматри-

¹ The Journals of the House of Lords. Beginning Anno Decimo Octavo Jacobi Regis. (1620–1628). Vol. III. P. 787.

² В оригинале — «raise the dejected hearts of your loving subjects to a cheerful supply of you Majesty». Термин «supply» означает здесь поддержку в смысле платы налогов.

³ Commons Debates 1628. Vol. 3. P. 254.

вать его устное обещание соблюдать их в качестве столь же надежной гарантии, какой является любой писанный закон. По словам английского исследователя Дж. Гая, «настаивание короля на том, что его устного обещания достаточно, поставило общины в опасное неудобство. Подтекст здесь заключался в том, что каждый добивавшийся реформы законодательства, не доверял ему», его королевскому величеству¹.

Добавим к этому, что Палата лордов, если и была согласна на какие-либо дополнения к закону, то исключительно на такие, которые усиливали бы королевскую власть.

В этих условиях члены нижней палаты парламента вынуждены были отказаться от плана принятия закона, закрепляющего права и свободы английских подданных, и стали искать иной способ выражения своих устремлений. В результате 6 мая 1628 года Палата общин приняла решение воплотить свои требования в форму петиции о праве².

Порядок принятия статутов посредством подачи королю парламентариями петиции о праве и последующего ответа на нее Его Величества действовал в Англии до середины XV века³. Во второй половине указанного столетия утвердилась процедура принятия статутов путем разработки парламентом их проектов — так называемых биллей, получавших после их одобрения королем силу закона. Принимая решение о составлении петиции, парламентарии хорошо сознавали, что таким способом они не смогут создать закона, закрепляющего права и свободы английских подданных.

В связи с этим весьма примечательным является тот факт, что всего за десять дней до принятия данного решения, а именно:

¹ *Guy J. A. The Origins of the Petition of Right Reconsidered // The Historical Journal. 1982. Vol. 25. № 2. P. 309.*

² Идею прибегнуть для выражения своих требований к форме петиции о праве подал членам Палаты общин правовед Э. Кук. Парламентарий Томас Уэнтворт говорил позднее о метаморфозе, произошедшей с нижней палатой парламента: «Мы в настоящее время опустили от нового статута и нового закона к Петиции о праве, и до тех пор, пока лорды не присоединятся к нам, никакого значения наше действие иметь не будет» (цит. по: *Tanner J.R. English constitutional conflicts of the seventeenth century. 1603–1689. Cambridge, 1957. P. 64.*)

³ На это обстоятельство обратил внимание парламентариев правовед Э. Кук, заявивший 8 мая 1628 г. на парламентской конференции, что законодательная процедура «через посредство Петиции была старинным средством до несчастного раздора между двумя Домами — Йорков и Ланкастеров» (*The Journals of the House of Lords. Vol. III. P. 787.*)

во время обсуждения предложений Палаты лордов, обремененных в форму петиции о праве, Палата общин выразила отрицательное отношение к использованию такого рода документов для обеспечения прав и свобод подданных. Среди ее членов возобладало мнение о том, что форма петиции о праве не гарантирует юридической силы выраженным в ней нормам. На парламентской конференции 8 мая 1628 года ситуация была уже другой. Теперь Палата общин призвала лордов поддержать составленный ею проект петиции о праве¹.

Между тем в исторической литературе все представляется, как правило, таким образом, что Палата общин с самого начала решила выразить свои требования в форме петиции о праве. Об этом пишет, в частности, Давид Юм. По его словам, общины «не претендовали на какие-либо новые права или привилегии; они лишь стремились защитить те, которые были унаследованы ими от предков, и закон свой решили назвать ПЕТИЦИЕЙ О ПРАВЕ»².

Палата лордов уже 8 мая и без особых уговоров согласилась поддержать предложенную Палатой общин Петицию о праве. Для выработки проекта петиции, устраивающего обе палаты парламента, был образован специальный комитет из членов Палаты общин и Палаты лордов в количестве 10 человек. 10 мая этот комитет завершил свою работу и представил проект петиции парламентам для обсуждения.

Процесс обсуждения Петиции о праве в английском парламенте длился около трех недель. Временами он принимал весьма бурные формы. Лорды предприняли попытку добавить в текст Петиции статью, подтверждающую абсолютную прерогативу королевской власти — «суверенную власть» короля. Члены Палаты общин дружно и решительно выступили против включения этой статьи в содержание Петиции.

Эта новая дискуссия между парламентскими группировками по вопросу соотношения абсолютной и ординарной прерогатив

¹ Выступавший от имени членов Палаты общин правовед Э. Кук говорил о том, что «они начертали Петицию о Праве в соответствии со старинными Прецедентами и оставили пространство Лордам для присоединения к ним» (The Journals of the House of Lords. Beginning Anno Decimo Octavo Jacobi Regis. (1620–1628). Vol. III. P. 787).

² Юм Д. Англия под властью Дома Стюартов. Том 1. С. 161.

королевской власти обнажила чрезвычайную хрупкость традиционной юридической конструкции государственного строя Англии. Оказалось, что вся эта конструкция покоится на очень тонком балансе различных элементов, равновесии разных сил.

Выступая против включения статьи о суверенной власти короля в Петицию о праве, правоведы и члены Палаты общин совсем не отрицали необходимости для короля иметь, помимо ординарной, также абсолютную прерогативу. Джон Селден говорил в своем выступлении в нижней палате 22 мая 1628 года: «Что касается того, что мы объявили устами нашего спикера в этом Парламенте, то мы далеки от намерения посягать на королевскую прерогативу; мы только говорим о королевской прерогативе в своем лице и мы обязаны сказать так»¹.

В самой по себе абсолютной прерогативе королевской власти члены Палаты общин не усматривали какой-либо опасности для традиционной юридической конструкции государственного строя Англии. Опасным они сочли совмещение этой прерогативы с ординарной королевской прерогативой. Р. Мэйсон (*R. Mason*) следующим образом объяснил, почему такое совмещение недопустимо. По его словам, «король обладает ординарной прерогативой, и посредством ее он не может назначать налоги или заключать в тюрьму; то есть он не может назначать налоги по своей воле или использовать их так, как он желает; однако он имеет экстраординарную и трансцендентную “суверенную власть” для защиты и счастья своего народа, а для такой цели он может назначать налоги или размещать солдат, как он желает»². Иначе говоря, совмещение абсолютной прерогативы королевской власти с ее ординарной прерогативой разрушало всю юридическую конструкцию английского государственного строя. Данная конструкция могла сохраняться только при наличии достаточно определенных границ между сферами действия различных прерогатив.

Р. Мэйсон говорил также: «Посредством нашей Петиции мы желаем только того, чтобы наши особые права и свободы были подтверждены для нас; и поэтому нам не приличествует вообще упоминать в ней о суверенной власти, совсем не касающейся предмета Петиции»³. Подобные аргументы приводили и другие парла-

¹ Commons Debates 1628. Vol. 3. P. 534.

² Ibid. P. 529.

³ Ibid. P. 530.

ментарии. Именно эти аргументы убедили лордов в нежелательности включения в Петицию статьи о «суверенной власти» короля. 26 мая Палата лордов согласилась принять Петицию без этой статьи.

2 июня 1628 года Петиция о праве, одобренная обеими палатами английского парламента, была зачитана Карлу I. Его Величество ответил следующей резолюцией: «Король желает, чтобы Право осуществлялось в соответствии с Законами и Обычаями Королевства. И чтобы Статуты исполнялись должным образом, дабы Его Подданные не имели причины жаловаться на какие-либо обиды или притеснения, противоречащие их справедливым Правам и Вольностям, сохранять которые он считает себя по совести так же обязанным, как сохранять свою Прерогативу»¹.

Эта резолюция ни формой своей, ни содержанием не соответствовала исторически сложившимся правилам утверждения королевской властью актов парламента². Король избрал ее потому, что сама Петиция о праве не подходила ни под одну из разновидностей актов, характерных для практики английского парламента того времени. Содержание журналов Палаты лордов и Палаты общин показывает, что различные петиции рассматривались почти на каждом из заседаний этих палат, но это были петиции частного характера — прошения, исходившие от какого-либо частного лица. Палаты высказывались в их поддержку и представляли королю или в Тайный совет. Но Петиция о праве, представленная его величеству 2 июня 1628 года, была произведением самого парламента, то есть имела публичный характер.

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. III. P. 835. В «Сборнике документов по истории английской буржуазной революции XVII века» В. М. Лавровского (М., 1973) приведен не совсем точный перевод этой резолюции Карла I. Особенно сильно искажен смысл последней ее фразы. Она переведена здесь так: «К соблюдению сказанного он считает себя обязанным в той же мере, как к сохранению своей программы» (стр. 109). В связи с этим я привожу оригинальный текст резолюции: «The King willeth, That Right be done, according to the Laws and Customs of the Realm. And that the Statutes be put in due Execution, that His Subjects may have no Cause to complain of any Wrongs or Oppressions contrary to their just Rights and Liberties; to the Preservation whereof he holds Himself in Conscience as well obliged as of His Prerogative».

² Исторически сложившиеся в Англии варианты королевских резолюций на парламентских актах различного рода см. в издании: A Compleat Journal of the Notes, Speeches and Debates, both of the House of Lords and House of Commons throughout the whole Reign of Queen Elizabeth... P. 328.

Парламентарии не удовлетворились ответом короля на их Петицию и попросили Его Величество поставить другую резолюцию, выражаемую формулой «soit Droit fait come est desire»¹. 7 июня 1628 года Карл I прибыл на конференцию обеих палат парламента и отдал приказ парламентскому клерку заменить прежнюю резолюцию новой, после чего заявил парламентариям: «Это, я уверен, является достаточным, однако не более того, что Я гарантировал вам в Моем Первом Ответе; так как его значение заключалось в том, чтобы подтвердить все ваши Вольности; зная из ваших собственных торжественных заявлений, что вы не подразумеваете и не затрагиваете Моей Прерогативы, Я заверяю вас, что Мой Принцип состоит в том, что Народные Свободы усиливают Королевскую Прерогативу, и что Королевская Прерогатива должна защищать Народные Свободы»².

Утверждение королем Петиции о праве посредством резолюции «soit droit fait comme est desire» означало, что этот документ получил статус **частного парламентского акта**³ (публичные парламентские акты утверждались резолюцией «Le Roi le veult»⁴). Иначе и не могло быть — Петиция не содержала новых правовых норм, а лишь подтверждала старые, уже действующие⁵. Отсюда следует, что указанная Петиция не стала в 1628 году законом. В пользу этого свидетельствует и само время утверждения этого документа королем — середина парламентской сессии. Законодатель-

¹ Старофранцузское выражение, означающее буквально: «Пусть будет так, как желаемо». См.: The Journals of the House of Lords. Vol. III. P. 844.

² Ibidem.

³ Королевская резолюция, утверждавшая частные билли, могла иметь формулу, немногим отличающуюся от приведенной. Так, королева Елизавета утверждала подобные билли следующими словами — «soit fait come il est desire». См.: A Compleat Journal of the Notes, Speeches and Debates, both of the Hoyses of Lords and House of Commons throughout the whole Reign of Queen Elizabeth... P. 328.

⁴ В переводе со старофранцузского языка это словосочетание означает буквально: «Король соизволил это».

⁵ Это признавали сами парламентарии, на это обстоятельство специально обращал внимание парламента король Карл I при закрытии его сессии: «Обе палаты во время выработки этой петиции заявляли, что они никоим образом не хотят вторгаться в область моей прерогативы, говоря, что у них нет ни намерения, ни власти наносить ей ущерб. Поэтому должно быть признано, что я не давал согласия на что-либо новое, но лишь подтвердил старые вольности моих подданных» (*Лавровский В. М.* Сборник документов по истории английской буржуазной революции XVII века. С. 112).

ные акты, по правилу, которому неукоснительно следовали тогда в Англии, утверждались Его Величеством в конце сессии парламента¹.

Статус закона Петиция о праве 1628 года получила лишь тринадцать лет спустя — 7 августа 1641 года. В принятом в этот день «Акте, объявляющем незаконными и недействительными недавние судебные постановления относительно корабельных денег и бесполезными все записи и протоколы, относящиеся к ним» говорилось: «...Далее объявляется и устанавливается на основании указанной ранее власти, что все и каждая частности, которых просят и желают в указанной Петиции о праве, должны *с настоящего времени* соответственно выполняться и твердо и строго поддерживаться и соблюдаться»² (курсив мой. — В. Т.).

В исторической литературе существуют различные оценки Петиции о праве 1628 года. Ряд исследователей придает ей такое значение, которое имеет Великая Хартия Вольностей³. Так, Давид Юм писал в свое время: «Можно без преувеличения утверждать, что согласие короля на петицию о праве произвело в системе правления перемены, почти равносильные революции, и что ограничение в столь многих пунктах монаршей прерогативы создавало дополнительные гарантии для прав и свобод подданных»⁴.

По мнению других историков, Петиция о праве 1628 года сыграла весьма скромную роль в политическом развитии Англии XVII века⁵. Последняя точка зрения является в настоящее время

¹ Именно такой порядок утверждения законодательных актов королевской властью зафиксирован в журналах Палаты лордов эпохи правления королевы Елизаветы, времени правления короля Якова I и первых лет правления Карла I.

² The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. Oxford, 1927. P. 191.

³ См. об этом: *Gardiner S.R.* History of England from the accession of James I to the outbreak of the Civil War, 1603–1642. Vol. 6. London, 1886. P. 310.

⁴ Юм Д. Англия под властью Дома Стюартов. Том 1. С. 167.

⁵ Такую оценку Петиции о праве давал в своем труде «Конституционная история Англии» английский историк Г. Галлам (1777–1859). Его точку зрения разделял русский историк А. Н. Савин (1873–1923), отмечавший в своих лекциях по истории английской революции, что «Петиция стояла на зыбкой исторической почве», что она «далеко не покрывала всей области, которая была предметом политического спора между правительством и парламентом» (см.: *Савин А. Н.* Лекции по истории английской революции. М., 2000. С. 190). Русский историк, правда, допускал ошибку, когда утверждал, что после одобрения королем Петиция о праве «стала статутом» (там же. С. 189).

господствующей в трудах по истории Англии первых десятилетий XVII века. «Петиция о Праве составляет одну из вех в конституционном развитии Англии. Однако непосредственно она имела малое значение»¹, — отмечает Б. Ковард.

На мой взгляд, оценка принятия Петиции о праве 1628 года как события, имевшего революционное значение, весьма сомнительна — она не соответствует реальному положению дел. Однако вряд ли правильным будет и слишком преуменьшать политическую и правовую роль данного документа в английской истории XVII века. Не получив в 1628 году статуса закона, Петиция о праве тем не менее сыграла определенную роль в правовом развитии Англии. Она стала знаменем борьбы против произвола государственной власти — фактором, формирующим правосознание английского общества.

Но в условиях 1628 года значительно большее значение для политической эволюции английского общества имела не сама по себе Петиция о праве, а те дискуссии в парламенте Англии, которые предшествовали ей принятию. В ходе этих дискуссий отчетливо обнаружилось такие слабости юридической конструкции английского государственного строя, которые могли в дальнейшем вести лишь к обострению политических конфликтов между королевской властью и парламентариями. Стало очевидным, что важнейший из несущих элементов указанной конструкции — ординарная прерогатива королевской власти, основанная на common law и статутах Английского королевства, стала превращаться из средства поддержания равновесия между королем и парламентом, сохранения компромисса между общественными группировками, стоявшими за этими государственными институтами, в инструмент усиления королевской власти за счет полномочий парламента.

¹ Coward B. The Stuart Age. A History of England, 1603–1714. London and New York, 1980. P. 140.